

О ценностях, власти и ответственности в литературе и искусстве¹

В своем вступительном слове на конференции о ценностях в искусстве и литературе два года назад (2012) я попытался характеризовать место международных конференций и их темы в деятельности Института славистики Масарикова университета. Аксиологическая ориентация находит свое место среди разных проектов прошлого, к которым относится и концепция литературных направлений, видов и жанров, которая постепенно становилась стержневой программой института или его предшествующих кафедр 60–70-х гг. прошлого века, оказывающихся в свое время организаторами конференций, в которых принимали участие видные представители литературоведения этого времени из разных стран. Их объединяло стремление к имманентным методам, исходящим из своеобразных концепций не только русского формализма, чешского формизма, Пражского лингвистического кружка, но и автохтонных, брненских или связанных с Брно идей Франка Вольмана. С этого времени прошло много лет, и появились новые методологии в связи с обновлением феноменологических подходов, герменевтики, когнитивизма, ареальных исследований, связанных с трансценденцией в сферу социальных наук, — и это все впитывало в себя разные приемы, относящиеся к феминизму, гендерным исследованиям, психопоэтике, имагологии и т. д. Среди них особое место занимает и возвращение к новому историзму, а также к аксиологической проблематике.

Я тогда выразил свое мнение, а также определенную надежду. Аксиология литературы, ценность и ее формирование и санкционирование — это вечный исторически изменчивый процесс, в существовании и анализе которого нет ничего нового: именно постмодернистская виртуальная аутентичность и колебание, созданные сильной мета- и интертекстуальностью, вызвали обратное движение к переоценке ценностей и к возобновлению ценностной иерархии, прошедшей через сито сомнений и недоверий. Не стоит объяснять, что и этот процесс является той самой лакмусовой бумажкой общественных процессов: можно лишь на-

1 Вступительное слово на конференции *Ценности в литературе и искусстве II*, Брно, 2 сентября 2014 г.

деяться, что попытки создания обновленного ценностного строя литературы — это сигналы похожих явлений в социальной и политической сфере.

Хотя название нашей конференции связано с искусством, нельзя не констатировать, что такие ценности имеют отношение к ценностям вообще. Если задуматься над тем, почему, например, некоторые литературоведческие методы намеренно избегали оценок, ценностного взгляда и аксиологии в общем, то можно прийти к выводу, что они опасались субъективизма и ненаучных или ненаучных аксиологических суждений, которые всегда имеют индивидуальные предпочтения, связанные с разными аксиологическими приоритетами внешнего и внутреннего круга человека, и нельзя игнорировать и определенные идеологии. Если мы занимаемся снова, на другом уровне и в других обстоятельствах, ценностными принципами, ценностями и аксиологией как составной частью философии в сфере искусства, то нельзя упускать из виду, что субъективность критериев выдвигает на передний план и **вопрос о власти в искусстве и литературе**, т. е. проблему, кто будет решать аксиологические вопросы и с какими последствиями. Опыт зачастую бывает горьким. На современном этапе, когда решаются насущные проблемы науки и университетов как ее центров, речь идет о новой тотальной централизации, которая представляет собой угрозу свободно развивающейся науке и мышлению, связанную с опасностью, что качество научных исследований будет обсуждать могучая кучка наиболее привилегированных, но малокомпетентных; это, наверное, касается и связи политики, культуры и науки.

Новые методы, новые возвращения и ревитализации старых приемов — все это вызывает, с одной стороны, восхищение, с другой — колебания и сомнения. Во всяком случае надо всегда сохранять определенную долю здорового скепсиса и осторожности. С одной стороны, наука всегда должна отстаивать крайние, экстремальные точки зрения, она не может избегать радикальных гипотез, не может оставаться на каком-то среднем уровне, придерживаться культа посредственности, что зачастую требуется, например, в современной политике, а также в современной культуре, искусстве и, в конце концов, самих науках. Культ уравнищенности, balance, приводит науку в тупик. С другой стороны, необходимо сохранять и скептическое отношение к разным модным, поверхностным веяниям, что, наверное, связано с вторжением эмоциональности в сферу науки, именно гуманитарной. Она вызвана появлением будто бы художественных пластов в научных исследованиях.

Если же говорить о «художественности» литературоведения, то становится очевидным, что каждый метод «загрязняется» своим предметом, и что тут необходима определенная «муза» вчувствования, но и «художественные» процессы в этом познании являются частью широкого раци-

онального течения: «разумное» познание не изолировано от всего остального, наоборот, оно синтезирует все частные проявления перцепции; впрочем, противопоставление разума и чувства (чувственности) и его относительный характер демонстрируют и английские слова *sense* (разум, из лат. *sensus* = чувство) и *sensibility* (не только «способность чувствовать», но и сама чувствительность, чуткость — на все это, конечно, повлияла «островная» сенсуалистическая философия, начиная с Дж.Локка и кончая Д. Юмом). Я бы, таким образом, не рассматривал эти проблемы (или, скорее, псевдопроблемы) особо драматично; дело в том, что «художественность» должна означать вовсе не ликвидацию так называемой точности, а напротив, уточнение с помощью иных средств; эссеистический стиль должен быть выражением отнюдь не своеволия и словесного балласта, а новой «точности», выходящей за пределы обычных «академических» средств. Все это должно быть направлено отнюдь не на ликвидацию или тотальную релятивизацию ценностей и их иерархии, а наоборот, на поддержку ряда ценностей и на усиление их общественной защиты.

Речь идет о том, что аксиологически ориентированные конференции могли бы заниматься своими проблемами, не упуская из виду необходимость дойти до определенных результатов, чтобы после окончания таких конференций стало яснее, что было доминантой рассуждений их участников. Когда-то в отдаленном прошлом, например, международные славистские конгрессы/съезды заканчивались принятием одобренных тезисов — жаль, что эта практика — по крайней мере на таких съездах — исчезла. Почему — это вопрос скорее для представителей Международного комитета славистов. Подобная рассеянность в наших сферах касается и международной организации компаративистов, конгресс которой состоялся в 2013 г.в Париже. Хочется надеяться, что именно настоящая конференция, посвященная как раз постоянной теме ценностей в искусстве в общем и в художественной литературе в особенности, будет стремиться к определенной цели, и станет более ясным, какие новые тенденции доминируют в этом отношении.

Как написал в эссе «*Деятнадцатый век*» Осип Мандельштам: в хаосе — он писал, однако, о XX веке — будут наши старые просветители XVIII века дороже, чем огонь Прометея. Недаром он был акмеистом, т. е. неоклассицистом. Один чешский литературовед назвал процесс неизбежного восстановления ценностных иерархий и критериев «возобновлением порядка», что, разумеется, вызвало протесты против будто бы новой диктатуры, хотя бы и в искусстве.

XXI век ждет от нас новых решений; ведь наши университеты и наука в целом оказались на перекрестке старых и новых путей. Наше время роковое в смысле появления новых кризисных феноменов, угроз, ра-

дикальных переворотов, которые не всегда привели — эвфемистически говоря — к лучшему. Это касается и сферы искусства и его оценочных иерархий. Решение ключевых задач всегда содержит и информацию об уровне науки и ее носителей. Можно лишь выразить надежду и одновременно желание, что эти сведения будут положительные.

Иво Поспишил